

A low-angle photograph of a red brick building. The facade features a prominent arched entrance with a decorative wrought-iron gate. A security camera is mounted on the brick wall to the left of the arch. The text is overlaid on the image in a white serif font.

Василий Кириллов

САМАРА

Дома, люди и судьбы

Василий Кириллов

Самара. Дома, люди и судьбы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70645657
ISBN 9785006292055*

Аннотация

Самару вполне справедливо относят к числу подлинных жемчужин русского модерна. Однако в городе немало памятников и архитектуры в «псевдорусском» стиле. С купеческим городом на волжских берегах была отчасти связана жизнь ряда выдающихся личностей, оставивших заметный след в истории России.

Содержание

ГЛАВА I	5
САМАРА – ГОРОД НА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕКЕ	6
ГЛАВА II	39
ГОРЬКИЙ В САМАРЕ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Самара. Дома, люди и судьбы

Василий Кириллов

© Василий Кириллов, 2024

ISBN 978-5-0062-9205-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

САМАРА – ГОРОД НА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕКЕ

У каждого из волжских городов есть свой образ и колорит. В их архитектуре наглядно отразился характер жизни и занятий местного населения – представителей разных сословий и национальностей дореволюционной России. Конечно, в тех или иных городах исторические здания уцелели далеко не в полном объёме. Сохранилась лишь сравнительно небольшая доля того, что некогда составляло основу старой застройки улиц и площадей. Современная архитектура, к сожалению, местами заметно нарушила идиллию прошлых лет, и произошло это, надо сказать, не в связи с понятными и объективными причинами.

Хотя в период Великой Отечественной войны глобальным разрушениям подвергся только Сталинград (бывший, Царицын), в советское время и в других городах на Волге начали производить масштабные работы по реконструкции исторических кварталов. В первую очередь, под снос шли заметно обветшавшие здания, долго стоявшие без ремонта. Затем, очередь дошла до строений, мешавших прокладке новых широких магистралей и обустройству скверов. Но самая горькая участь, безусловно, постигла церкви. Они целенаправленно уничтожались новой властью по идеологиче-

ским соображениям.

В результате этого далеко не самого удачного эксперимента в историческую ткань городов всё активнее вторгались архитектурные рудименты советской эпохи – жилые дома, выстроенные в репрезентативных формах стилизованного «ампира», а также постройки более поздних десятилетий, простые и невыразительные, с фасадами, выполненными из стекла и бетона. Такая же судьба, впрочем, была уготовлена не только волжским, но и прочим областным центрам России. Руководствуясь чисто утилитарной логикой, советские архитекторы-урбанисты не церемонились с остатками старины и не всегда считали для себя обязательным соблюдение эстетических принципов в проектной деятельности.

Вряд ли стоит дополнительно объяснять, что с уничтожением отдельных церквей и монастырей не только искажался прежний силуэт города, но и менялось общее восприятие целых кварталов, с исторически сложившейся оригинальной сеткой улиц и переулков. Культовое зодчество, можно сказать, служило важным организующим звеном в их контексте. И в наши дни, следуя по ранее проторенным маршрутам, мы невольно представляем, как бы смотрелась та или иная церковная постройка на перекрёстке, у площади или в отдалённой перспективе. Утраченные объекты городской среды всплывают в нашем сознании подобно миражам. К счастью, в архивах и на страницах периодических изданий царской

поры сохранились чёрно-белые фотографии с видами разрушенных в советские годы храмов, позволяющие проникнуться архитектурной элегией минувшего времени.

Так уж получилось, что религиозные доктрины в после-революционные десятилетия подверглись поруганию, их посчитали «вредным зельем», мешающим становлению новой общественной формации. Коммунистическая идеология, как известно, отталкивались от принципов материалистической философии, утверждая познаваемость окружающего мира. Идеализм церковного Писания, с оттенками агностицизма, по мнению, представителей корпуса большевистских вождей, отражал дух средневекового мышления, не соответствующего уровню современного человека, вступившего в эпоху «пара и электричества». Разумеется, никто из членов советской номенклатуры не подвергал сомнению ценность древних исторических памятников. Церкви Владимиро-Суздальской и Псковско-Новгородской земли подлежали строгой государственной охране, на их реставрации выделялись определённые финансовые средства. В остальном же, присутствовал так называемый избирательный подход к объектам храмового зодчества. Церкви девятнадцатого, восемнадцатого и даже семнадцатого века могли легко снести по распоряжению властей, и никакие мольбы культурной общественности не в состоянии были помешать этому процессу.

Города в Среднем Поволжье сформировались несколько

позже, чем города в Центральной России. В связи с этим здесь, по большей части, отсутствовали древние памятники. Разве только Казань могла похвастаться своим величественным кремлем, в «летописи» которой навсегда осталась яркая страница о покорении города русским царём Иоанном Грозным. Память о славных победах отечественного воинства была одной из важных основ в советской исторической науке.

Три города, начинающихся на букву «С» – Сызрань, Самара, Симбирск – отнюдь не обладали архитектурным наследием «седой старины». Более того, их застройка в давнюю пору была преимущественно деревянной. А пожары, случавшиеся периодически в XIX столетии, навсегда унесли ценные пласты знания о прошлом. Каждый из этих городов с наступлением буржуазной эпохи был, фактически, отстроен заново. А церкви... Они частично уцелели, а какие-то были снесены в советские годы как объекты, не представляющие мемориальной или художественной ценности.

У общественных сооружений, выстроенных из кирпича в приволжских городах до революции, оказалась лучшая судьба. Добротные и монументальные здания, построенные «на совесть», они были приспособлены советской властью для своих нужд. В некоторые из них поначалу въехали комитеты РСДРП большевиков. С балконов этих зданий народные предводители иногда произносили пламенные речи перед собравшимися массами трудящихся. С окончательным

утверждением новых порядков богатые дома бывших дворян и купцов были функционально перепрофилированы. В них разместились всякого рода административные организации, социальные учреждения, музеи и учебные заведения.

Один из сохранившихся деревянных домов в Самаре (фото автора 2022 года)

К сожалению, более простые дома рядовых представителей мещанско-купеческой среды, а также с виду неказистая деревянная застройка были в значительной степени «при-

говорены» новой властью. Сохранялись только здания, которые не требовали проведения глобальных ремонтно-восстановительных работ. В бывших доходных домах в советскую эпоху были устроены коммунальные квартиры, которые вместили в себя простых жителей утративших своё былое жильё. Помещения внутри них как бы специально уплотнили и перепланировали с целью размещения значительно большего количества людей. Проще говоря, во внутреннюю структуру зданий были добавлены новые стенные перегородки. Комнаты существенно уменьшились в объёмах. Разумеется, при этом фрагментарно пострадало декоративное убранство интерьеров квартир ранее предназначенных к сдаче по найму состоятельным лицам. Но в ту пору о таких «мелочных» вещах никто даже и не задумывался. После разрушительных последствий Гражданской войны многие люди просто нуждались хоть в какой-то крыше над головой. Суровая пора изначально не располагала к лирическим умонастроениям и требовала от новой власти активных и незамедлительных действий. И городские советы, как могли, справлялись с непростыми задачами по размещению сотен и тысяч вынужденных переселенцев.

Эркер с круглым окном в доме рубежа XIX – XX вв. (фото автора 2022 года)

В конечном счёте, всё зависело от самих жильцов. Некоторые из них более бережно относились к старине. В отдельных квартирах, к счастью, до сей поры сохранился былой антураж, начиная от широких оконных рам с металлической фурнитурой, дверей с филёнками, кафельными печами и кончая элементами монументально-декоративной пластики – лепными карнизами, изящными полосками фризов и фигурными розетками на потолке. Впрочем, сколько подобных «вещей» осталось ныне в домах, пожалуй, никто точно не скажет. Наглухо закрытые двери частных квартир не всегда доступны для посторонних взглядов. Разве только вестибюли и лестничные площадки, открытые взорам случайных посетителей, как-то ещё могут хотя бы отчасти передать атмосферу ушедшей эпохи. Кое-где сохранились полы, прилежно вымощенные керамической плиткой, ажурные литые ограждения в перилах, рамы с фигурным рисунком переплётов, с вписанными в них витражными стёклами, и даже остатки малых скульптурных форм. Но пытливому наблюдателю предстоит немало потрудиться, чтобы проникнуть в эти «оазисы красоты», досконально известные разве что краеведам и представителям местной архитектурной общественности.

Лестница с литым ограждением в купеческом доме (фото автора 2022 года)

Среди прочих городов Среднего Поволжья заметно выделяется Самара. Во многих её кварталах ещё не угас привкус старины. Прежняя историческая застройка сохранилась на достаточно обширных участках. Пусть, может быть, теперешнее состояние дореволюционных зданий и вызывает иногда «слёзы на глазах», но даже заметно обветшавшие они продолжают оставаться «живыми свидетелями» прошлого.

На рубеже XIX – XX веков в Самаре произошёл бурный экономический подъём. Из отсталого провинциального города на периферии Российской империи она превратилась в активно развивающийся торговый и промышленный центр. В Самаре заметно возросла логистика поступающих с Нижней Волги сырьевых товаров – зерна, соли, хлопка, кожи и овечьих шкур. Многие из них шли далее транзитом в центральные регионы страны на производственные комплексы и фабрики.

Своеобразным распределительным узлом в ту пору стала Нижегородская ярмарка. Именно там, как свидетельствуют анонсы из дореволюционной печати, заключались сделки на порою «астрономические» денежные суммы. На ярмарке царила обстановка предпринимательского энтузиазма. Одни купцы перекупали товар у других, чтобы затем ещё с большей выгодой продать последний фабричным и за-

водским предпринимателям. Крупный товароборот и необходимость в наличии солидных финансовых средств даже потребовали участия в процессе кредитных организаций. На Нижегородской ярмарке функционировало сразу несколько отделений банков – Сибирского торгового, Казанского купеческого, Волжско-Камского коммерческого и Московского торгово-промышленного товарищества.

В Самаре в дореволюционные годы открылось немало промышленных предприятий разного профиля. В фазу подлинного расцвета вступила мукомольная индустрия. Плодородные земли Самарской губернии позволяли местным землевладельцам получать значительные урожаи зерновых культур. Примечательно, что, несмотря на отмену крепостного права, в Самаре ещё сохранялись помещичьи владения. В них продолжали трудиться крестьяне из местных деревень. Правда, дворяне предпочитали уже не вести хозяйственную деятельность самостоятельно, а сдавать свои земельные наделы в аренду. Крестьяне, как могли, боролись за свои права, но затем всё же уступали собственные пашни богатым купцам, не справляясь с работой в новых экономических условиях. Те же, в свою очередь, со временем и полностью выкупали наследственные земли у дворян, становясь крупными латифундистами.

Определённую роль сыграло и внедрение в буржуазную эпоху в сельскохозяйственную «науку» отдельных технологических достижений – изобретение механических коси-

лок и молотилок, использование новой конструкции грабель и т. д. Это позволило не только заметно облегчить и сэкономить человеческий труд, но и в несколько раз увеличить производство зерновых культур. Соответственно, уменьшалось и количество постоянно занятых работников. Многие из крестьян становились вольнонаёмными тружениками, занятыми только в определённые сезоны.

Сам процесс работы происходил в прежнем строгом цикле, который не менялся из века в век. Как обычно, всё начиналось с пахоты земли, потом требовался бережный уход за растущими злаками, а когда же зерно созревало, его обмолачивали и укладывали в мешки для хранения во вместительных амбарах. На пристанях товар грузился на баржи для прямой продажи на рыночных площадках. Целые пуды отборного пшеничного зерна попадали в закрома состоятельных покупателей. Прочая часть сельскохозяйственной продукции на конных подводах доставлялась на мельницы для последующей переработки. Добытая из зёрен мука затем поступала в местные хлебопекарни. Таким образом, прибыль получали дельцы самых разных уровней, и никто из них при этом не оставался в проигрыше.

Среди прочих занятий жителей дореволюционной Самары также следует напомнить о лесопильном, кожевенном промысле и топлении сала. Дерево активно использовалось при строительстве изб, из кожи изготавливали конские упряжки и прочую хозяйственную утварь, а сало шло на про-

изводство свечей, мыла и всякого рода мазей.

Ещё с середины XIX столетия внимание самарских купцов привлекли открытые по берегам реки Самарки и вблизи озёр большие запасы глины, а также залежи в земле пластов известняка. Некоторые из них стали постепенно задумываться о создании в их городе первых кирпичных заводов. Инициатором здесь выступил купец А.Д.Шигаев. При его участии в 1859 году в Самаре появились зачатки кирпичного производства.

С течением лет к делу подключились и другие предприниматели. До некоторой поры это были не более чем кустарные мастерские. Значительный прорыв произошёл уже к 1890-м годам, с внедрением машинного способа производства и распространением гофманских печей для обжига и сушки кирпича. Дело А. Д. Шигаева продолжили его наследники. За относительно короткий период времени объёмы производства заметно возросли. К началу XX века на шигаевских заводах уже производилось до 2 миллионов кирпичей в год. Само по себе, это уже являлось значительной цифрой, превышающей объёмы выпуска прошлых десятилетий.

Многие из купцов относились к своему промыслу не только как к важному источнику доходов, но и по-настоящему считали его «делом жизни». Дабы обеспечить себе рекламу и оставить память о своём производстве будущим потомкам отдельные кирпичи на заводах Шигаева стали клеймить. На них выжигали инициалы первооткрывателя этого

ремесла в Самаре – Алексея Дмитриевича Шигаева. Кирпичи с клеймом «АДШ» и сейчас можно заприметить на ряде фасадов зданий на нынешних улицах – Ленинградской и Алексея Толстого.

Естественно, у семейства Шигаевых появились серьёзные конкуренты в сфере кирпичного производства. Немалую популярность в Самаре в последней трети XIX века приобрели заводы купца Ивана Петровича Летягина. Разнообразие глинистых пород, залегающих в местных краях, позволило местным предпринимателям делать кирпичи нескольких модификаций, различающихся не только по цвету, но и категории прочности.

На трёх заводах И.П.Летягина тоже иногда клеймили выпускаемую продукцию номерными знаками и фамилией владельца промысла. Особый красный кирпич славился в городе, благодаря своему отменному качеству. Сотрудничать с И.П.Летягиным желали многие богатые люди. Так, например, поступил известный в городе домовладелец Дмитрий Ермилович Челышев. Кирпич «летягинский», по его словам, можно было и в окно выбросить, а тот не разобьётся, и в воде держать, но при этом он веса не наберёт.

С 1889 года в Самаре также функционировали кирпичные заводы чайного торговца В.Ф.Жукова, а чуть позднее – П.Ф.Шишкина, М.М.Фердмана и директора городского Общественного банка И.Е.Ильина. Каждый из перечисленных людей уже обладал достаточным финансовым состоянием

до этого момента и вкладывал свободные средства в прибыльное дело.

Дом купцов Жуковых на Ленинградской улице (фото автора 2022 г.)

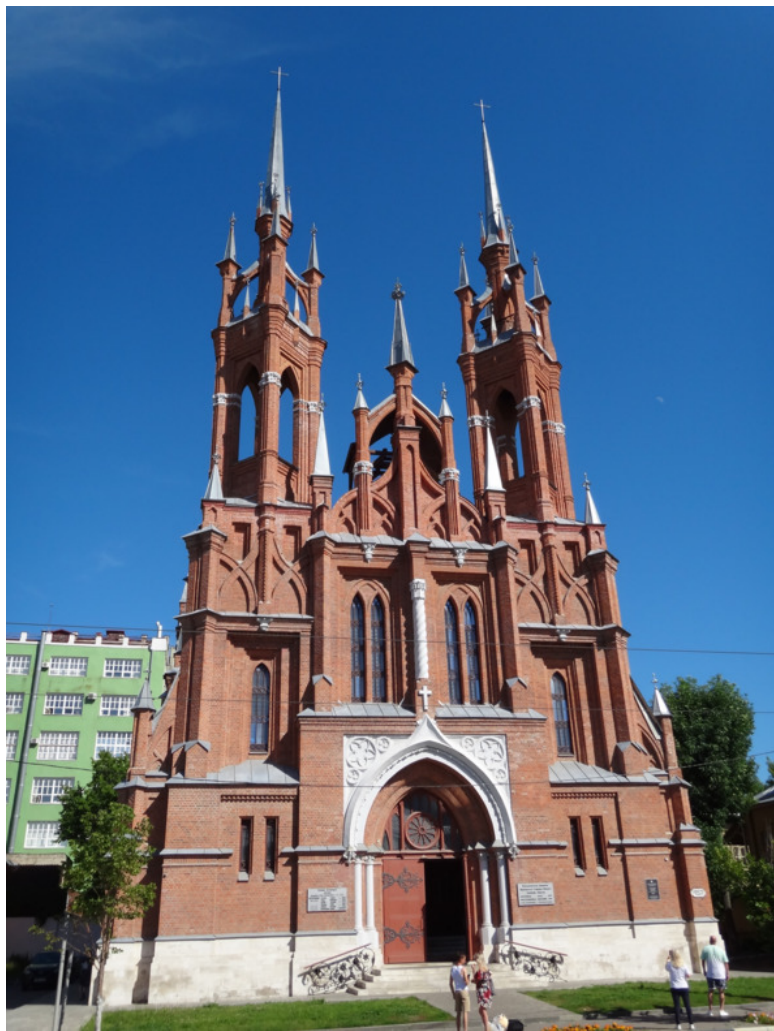
Начало XX столетия стало периодом наивысшего расцвета кирпичного производства в Самаре. Согласно данным статистики, на предприятиях этого профиля трудилось не менее 1500 человек.

К 1912 году к уже имеющимся в городе кирпичным заводам добавились новые мощности. И в наши дни на стенах дореволюционных зданий в Самаре можно встретить кирпичи с самыми разными обозначениями. Не все из них удалось расшифровать местным краеведам. Известно, в частности, что клеймо «ЗН» служило рекламой крупного предприятия А.А.Никифорова, а фамилия Ларина на тычковой поверхности кирпича свидетельствовала о промысле известного в городе купца-старовера.

Весьма успешно конкурировал с другими предпринимателями в Самаре и Пётр Никитич Сапунков. На его заводах предъявлялись особо жёсткие требования к выпускаемой продукции. В частности, кирпичи, вытасканные из печи, сразу же помещали в ледяную воду, дабы убедиться, что они прочны и не рассыпаются, бросали на чугунные плиты, убеждаясь при этом в отсутствии трещин на собственных изделиях и т. д.

Не случайно, кирпич с заводов купца П.Н.Сапункова предпочли приглашённые нижегородские и местные стро-

ители при возведении стен масштабного «неоготического» костёла в Самаре, освящённого в честь Пресвятого Сердца Иисуса. Арочные конструкции храма, испытывающие на себе значительную нагрузку, требовали выкладки самым высококачественным материалом, который обеспечивал бы им максимальную прочность.

Вид «неоготического» костёла (фото автора, 2023 год)

Не секрет, что из кирпича велось строительство почти во всех регионах дореволюционной России. Активное использование относительно дешёвого и не сложного в производстве материала способствовало разнообразию форм и деталей на фасадах, заимствованных из богатого арсенала прошлых эпох. Укладчикам кирпича было многое доступно. Они могли виртуозно создавать на фасадах элементы, напоминающие о традиционном наследии древнерусского зодчества, копировать характерные мотивы западноевропейской «готики» и «романики», имитировать специфические образы из архитектуры мусульманского Востока и прочую экзотику. Распространившийся во второй половине XIX века в России стиль «историзма» допускал фантазии в любом вкусе и формировал новую градостроительную концепцию, связанную с более оригинальными способами застройки улиц и площадей.

Между тем, для массового использования в архитектуре предполагались и более простые, образцовые проекты зданий. Их внедрение позволяло существенно облегчить труд зодчего, когда тот имел дело с неприятным заказчиком. Последнему оставалось только ткнуть пальцем в понравившийся ему в «увраже» графический рисунок фасада и определиться со стоимостью будущих работ. Сам процесс возведения подобных домов был уже хорошо отлаженным

механизмом и не требовал в дальнейшем активного вмешательства архитектора. Нанятые строители, как правило, без особого труда справлялись с поставленной перед ними задачей.

В Самаре «бум» кирпичного строительства был связан и с вполне объективными причинами. В городе ещё с середины XIX века раз за разом случались масштабные пожары. Многие деревянные здания при этом, фактически, выгорали дотла. Город приходилось, по существу, восстанавливать заново. Эпицентром пожаров нередко оказывались территории окраин Самары. Там, фактически, условия жизни были приближены к сельскому быту. Дома небогатых купцов, мещан и ремесленников представляли собой обыкновенные срубы с тёмными чуланами и небольшими комнатами, отапливаемыми «русской печью». От деревенских жилищ их разве только отличали чуть более усложнённые планировки и наличие дополнительных оконных проёмов на фасадах. На улицах, лишенных мощения булыжником, вольно разгуливал скот. О какой—либо цивилизации здесь пока ещё и речи не шло.

Здание пожарной службы с каланчой (фото автора, 2023 год)

Отсутствие в городе необходимых мер безопасности в очередной раз привело к трагическим последствиям. Настоящее бедствие случилось в 1883 году, когда при сильном ветре в разных частях Самары произошли сразу три пожара, которые навсегда унесли более 120 деревянных домов. Ряд слобод в городе за несколько часов превратились в тлеющие руины.

В России, как всегда, откликались на возникающие проблемы с заметным опозданием. Только необходимость от случая к случаю решать судьбы погорельцев, невольно пострадавших от чужой халатности, заставили городские власти, наконец, активно приняться за дело.

Ситуацию несколько улучшило обустройство в Самаре противопожарного водопровода. Это позволило, в свою очередь, более оперативно бороться с возникающими очагами пламени. В разных частях города были организованы службы, призванные специально заниматься делом защиты от пожаров. И, в конечном счёте, в Самаре со временем появилась и пожарная каланча высотой 26 метров, позволяющая с площадки на её вершине хорошо обозревать город и ближайшие окрестности.

Разумеется, кирпичное строительство не могло полностью гарантировать жителям Самары защиту от стихийных

возгораний в тех или иных кварталах. Но, тем не менее, уменьшение количества деревянных строений в центральной части города, а также внедрение каменных защитных стенок брандмауэров, дало возможность пожарным командам более эффективно реагировать на внезапные происшествия. Купеческие дома на главных улицах Самары оказались хоть как-то защищены от «огненных бурь». Естественно, на окраинных территориях, среди жилищ представителей относительно небогатого сословия, пожары ещё продолжали свирепствовать и в последующие годы. Там необходимые меры безопасности было внедрить гораздо сложнее.

Ещё одной напастью в Самаре являлись здешние климатические условия. Земский врач и учёный В.О.Португалов в своих мемуарах дал яркую картину «мучений», которые он испытывал, находясь в городе в летнюю пору. Он, дословно, отметил следующее:

«Справедливо говоря, климат в Самаре состоит из резких крайностей. Коли тепло, так уж тепло, что не знаешь, куда деваться летом. В этом году (речь идёт о 1888 году), например, доходило до 47 градусов Реомюра. До того жарко, что целый день, хотя и в самой лёгкой одежде, примерно в ситцевой рубашке и „парусинных“ штанах, человек в поту до того, что „этая“ рубашка прилипает к телу. /... / Держишь всю ночь окна открытыми, нарочно хлопчешь, чтобы устроить сквозняк, смачиваешь по несколько раз в день и ночь голову холодной водой, развешиваешь мокрые простыни и по-

лотенца в комнате... и всё-таки задыхаешься от зноя. /... / Жара ещё подогревается тем, что город состоит из груды каменных зданий, сплошь окрашенных в белую краску и вся мостовая из мелкого белого известняка. Всё это летом накаляется до того, что ступая босыми ногами рискуешь обжечь ноги»¹.

В.О.Португалов упомянул также о некоторых других неудобствах, имевших место в Самаре на закате XIX столетия. В частности, он признал:

«Наша самарская пыль едва ли имеет себе равную. Это совсем особого рода пыль. Как город степной, лишённый почти растительности, с покатостью к югу, Самара всё лето обдувается южными ветрами, которые поднимают с песчаной косы целые вихри удушливой пыли. Эта пыль как будто наполняет собой всё пространство от земли до небес и залетает решительно всюду, в самые верхние этажи домов, покрывая толстым слоем мебель, книги, стены. Так как при этом страшная духота и свежий ветер несколько умеряет духоту, то нельзя не отворить окна, но очень скоро вы вынуждены их запирать. /... / И как только выглянешь на улицу, пыль эта покрывает вас с головы до ног, залетает вам в глаза, нос, рот, бороду и за рубашку»².

Действительно, суховеи в Самаре в прошлом бывали та-

¹ Цитировано по тексту статьи В.О.Португалова «Санитарный очерк Самары», опубликованной в календаре и справочной книге «Самарец», 1889.

² Цитировано по тексту той же статьи.

кими сильными, что вздымавшаяся густыми клубами пыль, буквально, окутывала весь город. На расстоянии просматривались только купола церквей и кресты на колокольнях. Они тем самым могли служить единственным ориентиром для судов, проплывающих по Волге.

Ко всему прочему, следует добавить, что в Самаре, как и во многих городах России до буржуазной поры, была отнюдь не самая лучшая санитарная обстановка. Берега Волги и реки Самарки на протяжении осени и зимы оказывались заваленными разнородными отходами торгового промысла, которые источали «гнилой смрад» и зловоние.

Жилища самарских мещан тоже не содержались аккуратно. Помещения были наполнены массой бытовых предметов, хранившихся в беспорядке. Простая сборная мебель, грязноватые обои на стенах, косые зеркала и элементарные туалетные принадлежности свидетельствовали о невысоком достатке и отсутствии соответствующего воспитания у большинства населения Самары.

Между тем, В.О.Португалов как бы сумел заглянуть в будущее и сделать оптимистичное предсказание для жителей волжского города. Он констатировал:

«Самара – город мещанский, обывательский... без барских затей, без особых прикрас и без всякой поэзии... Но крупная будущность городу не подлежит сомнению... она /т. е. Самара/ ещё сделается центром распространения европейской культуры на весьма далёкие степные окрестно-

сти. Причём городу выпала доля вести борьбу с азиатской культурой, „искони веков тут царившей“. Жёсткая борьба, обмен и переплетение этих культур придаёт Самаре... своеобразный вид и характер. Благоденствие города в будущем и зависит от степени победы европейской культуры над азиатской, и насколько Самара сама воспримет плод этой победы...».³

Похожий прогноз некогда сделал, кстати, и журналист В. И. Немирович-Данченко, брат известного театрального деятеля. В своём очерке он написал:

«В Самаре нет остатков старины, нет исторических достопримечательностей, скучных и неприветливых. Это город будущего, здоровый, кровь с молоком, юноша, перед которым всё розовеет в лучах восходящего для него солнца...»⁴.

И спустя каких-то двух десятилетий, предсказания, и вправду, оказались пророческими. Тот же поэт и писатель Борис Пастернак, посетивший Самару в 1916 году, был крайне поражён увиденным в бывшем отсталом городе России. Он восторженно откликнулся об этом в своём письме:

«Самара – лучший, греховнейший, элегантейший и благоустроеннейший кусок Москвы, выхваченный и пересаженный на берега Волги. Прямые асфальтированные бесконеч-

³ См. об этом там же.

⁴ Цитировано по: В.И.Немирович-Данченко «По Волге» (Очерки и впечатления летней поездки). Из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России, М., 2008.

ные улицы, электричество, трамвай, Шанксовско-Бишковские витрины, кафе, лифты, отели на трёх союзных языках с английской облицовкой, пятиэтажные дома, книжные магазины и т. д. Дороговизна ужасающая!»⁵.

С лёгкой руки кого-то из журналистов царской России Самару в начале XX века прозвали «русским Чикаго», невольно сравнив её с индустриальным чудом на далёком американском континенте. Город преобразился в буржуазную эпоху настолько стремительно, что это явилось абсолютной неожиданностью даже для самих его жителей. На улицах Самары за короткие сроки «выросли» монументальные здания в различном «вкусе», наглядно демонстрирующие приверженность к современным архитектурным традициям той поры. Можно сказать, сюда вслед за финансовыми потоками нахлынула бурная волна мировой цивилизации и буржуазной культуры.

⁵ Цитировано по тексту письма Бориса Пастернака от 1-го июля 1916 года, отправленного Збарским.

Вид на один из старейших заводов в Самаре (фото автора, 2022 год)

Пожалуй, наиболее яркую и выразительную характеристику дал растущему волжскому городу Александр Николаевич Наумов – потомственный дворянин, уроженец Симбирска, в течение ряда лет, состоявший в должности предводителя дворянства Самарской губернии. В частности, он подчеркнул:

«С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги и соединением её с Ташкентом, рост Самары, природно-удобной Волжской пристани, оказался исключительным. Население, торговля, кредитные обороты – всё шло чисто американским темпом. /.../ В Самаре окраины быстро сливались с городом, образовав, каких-нибудь 10—15 лет спустя, оживлённые центры, застроенные большими городскими домами. Благоустройство самого города не могло поспевать за столь быстрым его ростом. Изю всех „платьев“ Самара скоро вырастала...»⁶.

В городе, расположенном в Среднем Поволжье, в предреволюционные годы функционировало множество предприятий, ежегодно обеспечивающих немалый валовой доход их владельцам. На заводах в производственных процессах уже были заняты тысячи вольнонаёмных рабочих, которые по-

⁶ Цитировано по: А.Н.Наумов «Из уцелевших воспоминаний 1868—1917 гг.» // издание А.К.Наумовой и О.А.Кусевицкой, Нью-Йорк, 1954.

лучали жалование, в целом, достойное для царской России. В речном порту ни на час не останавливался процесс разгрузки и погрузки товаров с барж. Купеческая торговля пребывала в стадии наивысшего процветания.

Помимо того, к пристани в Самаре всё чаще стали причаливать пароходы с состоятельной публикой, путешествующей по Волге. Живописная природа берегов великой русской реки служила приятным дополнением для любителей водных прогулок. И, разумеется, владельцы пароходных компаний тоже не оставались без прибыли. В буржуазных кругах Самары царила подлинная эйфория. Ранее невзрачный провинциальный город как будто бы внезапно пробудился от долгого сна, встрепенулся и закружился в бешеном вихре «нового времени», с его тягой к прогрессу и неуёмному предпринимательскому азарту.

В своём роде подспорьем для развития торговли в Самаре послужило открытие в 1880 году моста через Волгу у Сызрани, а чуть позже, в 1887 году, начала функционировать железнодорожная ветка Батраки – Оренбург, пересекающая территорию почти всей губернии с запада на восток. Город тем самым оказался связанным новой транспортной артерией с богатым сырьевыми ресурсами краем, который, фактически, являлся ко всему прочему и своеобразными «воротами в Азию». За счёт железнодорожного сообщения с Оренбургом существенно вырос и товарооборот с Туркестаном, далёкой южной окраиной Российской империи.

Однако самым прибыльным делом в Самаре, по-прежнему, оставалась переработка зерна. Местные сельскохозяйственные артели вдоволь обеспечивали своей продукцией крупные паровые и водяные мельницы. Особенно рост производства муки наметился после 1893 года, после введения нового хлебного тарифа. Переработчики зерна при этом оказались в ещё более выгодных условиях. И на самарских мельницах в значительных объёмах начала производиться мука-крупчатка. Недостатка спроса на неё не было как в самой России, так и за её пределами. Мука-крупчатка на исходе XIX столетия высоко котировалась на европейском рынке.

Не менее успешно шла торговля и самим пшеничным зерном. Как только Волга освобождалась ото льда, по ней начинали плыть пароходы в сторону Рыбинска. Туда самарские купцы первыми везли отборное зерно – белотурку. Оно стоило дорого и пользовалось большим спросом у перекупщиков. На Рыбинской бирже тогда даже всерьёз поговаривали: «Вот уйдут Субботинские баржи, тогда цена и упадёт».

Волжские дельцы вырабатывали продукции на миллионы рублей и быстро увеличивали свои капиталы. Именно на основе мукомольного производства в Самаре выросли в будущем известные торговые дома купцов Субботиных, Курлиных, Шихобаловых и ряда других. Эти люди впоследствии и оказали влияние на развитие города. При их денежном обеспечении в Самаре было построено немало красивых зданий по оригинальным проектам зодчих, проповедовавших

различные направления в архитектуре.

О местных предпринимателях упомянул в своих мемуарах и А.Н.Наумов. Он отметил:

«Дворянства в нашем городе было мало, больше проживало в нём торгового элемента – мукомолов, хлеботорговцев, пивоваров, ...много попадалось банковских дельцов и разного служебного люда – всё это работало, не покладая рук; сплетнями и пустыми пересудами некогда было заниматься – воздух самарский был весь пропитан интересным творческим делом... Коренными городскими обитателями являлись многочисленные почтенные семьи, в большинстве своём принадлежавшие к казачьему сословию (Оренбургскому, Уральскому) и владевшие в Самарской и Оренбургской губерниях огромными земельными имуществами: Аржановы, Шихобаловы, Курлины, Сурошниковы, Соколовы и много др.»⁷

Спрашивается, что составляет основу любого города? Ответ, кажется, рождается сам по себе. Это, конечно, яркие достопримечательности, памятники архитектуры и просто любопытные по своим внешним характеристикам дома, но и, разумеется, сами люди – местные жители, прославившиеся своими благородными деяниями.

⁷ См. об этом тексте того же издания.

ГЛАВА II

ГОРЬКИЙ В САМАРЕ

В 1895 году Самару посетил ещё молодой Алексей Максимович Пешков (Горький). Не будучи ещё в ту пору известным писателем, он, по протекции адвоката К.К.Позерна, устроился журналистом в местной «Самарской газете». Поначалу, А.М.Пешкову поручали только готовить подборки из иногородних периодических изданий и писать по одному очерку и рассказу для воскресных номеров. А уже несколько месяцев спустя новоиспечённый сотрудник газеты стал вести постоянную рубрику, под названием «Между прочим».

Недолгое пребывание в Самаре явилось для А.М.Пешкова, по-настоящему, судьбоносным. В редакции газеты он познакомился с Екатериной Павловной Волжиной, юной выпускницей женской гимназии, осваивавшей профессию корректора текстов. Впоследствии, их отношения переросли в супружеский союз.

Раздел, которым ведал в газете А.М.Пешков, был в своём роде карикатурным, высмеивающим отдельные пороки общественной жизни в Самаре. Для будущего писателя это был не более чем источник доходов в относительно непростое время. Под своими заметками он обычно подписывался забавным псевдонимом – Иегудиил Хламида, который сам себе придумал.

В числе прочих материалов в двух выпусках газеты весной

1896 года появился, в частности, очерк въедливого журналиста «Самара во всех отношениях». Это, следует признать, был в некотором роде фельетон, в котором А.М.Пешков резко высмеял ещё отчасти архаичную Самару и царившие в ней порядки. Чтобы не навлекать на себя критику со стороны, он даже отказался от своего знакомого псевдонима. Журналист подставил под своей статьёй подпись «Дон Кихот» и ввёл в название статьи дополнение «Письма одного странствующего рыцаря». Принадлежность всей этой «казуистики» писателю затем подтвердила Е.П.Пешкова, которая после смерти А.М.Горького занималась его архивами.

Очерк «Самара во всех отношениях» начинался с отнюдь не самого лестного отзыва о городской архитектуре. Вот, как оценил её, дословно, в будущем выдающийся советский писатель:

«Тяжёлые, без каких-либо украшений, тупые и как бы чем-то приплюснутые дома заставляют предположить, что и люди, живущие в них, тоже тупы, тяжелы и приплюснуты жизнью».

Принимая во внимание не совсем объективный взгляд молодого А.М.Пешкова, надо учитывать, какого вида здания были у него перед глазами. Купеческие дома, сложенные из кирпича, в ту пору, действительно, не отличались яркостью декоративного убранства. Более того, в городе ещё продолжалось возведение срубов, а также создавались здания с каменным нижним и деревянным верхним этажом,

широко распространённые в провинциальной среде. И хотя в 1869 году было издано предписание вести строительство из кирпича в центральной части города, оно выполнялось не столь последовательно. Многие владельцы зданий были «людьми торговыми» и не отличались тонким эстетическим вкусом. Типовые фасады, нередко выполнялись по образцовым проектам, и выглядели со стороны скучными и неприметными.

Характеристика «приплюснутые дома», родившаяся в сознании автора очерка о самарской архитектуре, могла затрагивать и сами пропорциональные соотношения в постройках. Они как бы «прижимались» к земле, тяготели к горизонтальной ориентации и не имели отчётливых вертикальных акцентов. Дома, как правило, были двухэтажными и образовывали сплошные ряды в уличной застройке. Так, во всяком случае, выглядело оформление центральной части города с его регулярной планировкой кварталов.

Лишь к 1874 году, по данным статистики, количество зданий из кирпича в Самаре начало превалировать над срубами. На городских окраинах ещё и в последующие десятилетия продолжалось деревянное строительство. Удобный сплав леса по реке в Самару и дешевизна земли «на периферии» стимулировали интерес у небогатых домовладельцев к архаическим формам зодчества. Искусные мастера плотницкого дела, по-прежнему, оставались глубоко востребованными.

В самом деле, трудно представить сейчас, какой увидел

Самару приехавший в неё однажды А.М.Пешков. Уже на заре двадцатого столетия город разительно изменился. Многие прежние здания в нём были снесены или существенно реконструированы. В нынешних кварталах с исторической «средой» можно отыскать только редкие фрагменты архитектуры второй половины XIX века. Это уже достаточно ветхие здания, заметно утратившие первозданность былой эпохи. Тем не менее, они ещё присутствуют по «красным линиям» застройки в ряде улиц. В качестве примера, следует даже упомянуть некоторые из них, дабы хотя бы отдалённо создать в мыслях образ «горьковской» Самары.

Здания, ведущие своё происхождение с поры 1870-1890-х годов, сохранились на нынешних Чапаевской и Молодогвардейских улицах. Они мало примечательны и ничем особенным не привлекают к себе взгляды прохожих.

В частности, уцелел комплекс построек бывшей усадьбы купца А.И.Гребезева, в форме «каре» охватывающих территорию внутреннего двора (ул. Чапаевская, 112). Стены основного двухэтажного здания, выложенные из тёмно-красного тона кирпича, ещё сохранили некоторые детали простого наружного оформления – плоские лопатки, сандрики, наличники с лучковыми перемычками и венчающий фриз с «сухариками». Такого рода декор был широко распространённым в Российской империи в период становления так называемого «кирпичного стиля» в зодчестве. Все элементы внешнего убранства исполнялись, соответственно, из то-

го же материала, что и сами здания. Кирпич позволял легко производить те или иные детали, не прибегая к использованию ранее применявшихся накладных украшений в виде рельефных гипсовых отливок. Сами фасады при этом тоже оставались неоштукатуренными. Так стены домов, можно сказать, лучше «дышали». Более того, данное «нововведение» позволило владельцам зданий экономить средства на ремонте. Прочный кирпич, специально закалённый в печах, долго не разрушался от природных воздействий и сохранял черты эстетической привлекательности декоративной отделки фасадов.

Наглядными примерами городских домов в Самаре до начала бурного развития капиталистических отношений могут служить и здания на Чапаевской улице с теперешними номерами 19, 64, 166 и по Молодогвардейской улице с адресным указателем 6, 36, 40, 42. Они сохранили былой облик, хотя и утратили некоторые элементы внешнего оформления. Кое-где, рядом с домами уцелели и въездные ворота с полукруглыми арочными завершениями. Они удачно дополняют старую архитектуру.

Некоторые здания, как например трёхэтажный дом по адресу – улица Чапаевская, 230, в советские годы были расширены и дополнены новыми этажами. Части фасада с прежней наружной отделкой, таким образом, как бы оказались вписанными в структуру более масштабного по своим размерам сооружения.

Дом на улице Братьев Коростылёвых (фото М. Грудзинской, 2020 г.)

Пожалуй, достаточно неплохо смотрится после ремонтно-восстановительных работ дом по улице Братьев Коростылёвых, 62, датируемый 1894 годом постройки. Двухэтажное здание из красно-оранжевого цвета кирпича имеет фасад на семи вертикальных осях, подчёркнутых широкими проёмами окон. Кирпичные наличники с лучковыми перемычками окрашены в белый тон, что является плодом творческой импровизации местных архитекторов-реставраторов.

Благодаря этому сочетанию колористических акцентов, здание выглядит привлекательнее и, кажется, нивелирует крайнюю простоту своего внешнего оформления. На фоне подступающей к нему с тыла громады современной «многоэтажки», скромный уютный домик, кажется, импозантным и выразительным и даже напоминает чем-то «милую игрушку».

Не менее примечательным архитектурным объектом в Самаре является бывший дом мещанина П.Е.Каткова (ул. Пионерская, 6). По вполне достоверным свидетельствам, он был построен к 1889 году. Кирпичный двухэтажный дом получил достаточно протяжённый фасад, включающий девять осей проёмов окон. Здание выстроили на цоколе, облицованном природным камнем. Элементы декоративного убранства получили уже вполне привычные черты строгой лаконичности. В отличие от предыдущего здания тут использовались других очертаний наличники окон с треугольными щипцовыми перемычками. В правой части фасада была устроена проездная арка, связанная с внутренним двором. Лишённый штукатурной отделки фасад наглядно демонстрировал эстетические возможности кирпича как уникального строительного материала. Разнообразная по технике кладка способствовала ощущению фактурности в отделке стенной поверхности, с чётко выделенной полосой декоративного фриза и венчающим карнизом.

Доходный дом мещанина П.Е.Каткова (фото М. Грудзинской, 2018 г.)

Такого рода строения в царской России создавались исключительно в коммерческих целях, для сдачи в них квартир по найму. И именно сюда некогда перебралась из своего имения на хуторе Алакаевки семья Ульяновых. Первая съёмная квартира на Полицейской площади в Самаре их не устроила из-за шумного базара, расположенного почти под окнами. Место на бывшей Вознесенской улице показалось Ульяновым более комфортным, и вместе с родственниками они арендовали у владельца здания помещения на втором этаже. Неподалёку от дома П.Е.Каткова располагались мужская и женская гимназии, в которую поступили Дмитрий и Ма-

рия – родные брат и сестра будущего вождя пролетариата и крестьянства.

Всё, кажется, благоволило переселенцам из хутора Алакаевки. И, тем не менее, новое место проживания через несколько месяцев тоже перестало устраивать семью Ульяновых. Грохот колымаг,двигающихся по булыжной мостовой, частая ругань извозчиков и портовых грузчиков мешали открывать створки окон в жаркую летнюю пору. Но ещё юный, 19-летний Владимир Ульянов испытывал удовольствие от созерцания волжских пейзажей, кораблей, плывущих по могучей реке, и время от времени даже совершал уединённые прогулки вдоль набережной. Так он, собственно, впервые узнал о суровой жизни и непосильном труде портовых грузчиков на пристанях. Его глазам внезапно открылась совсем другая Россия, с её подлинной натурой. Он увидел, что прорыв в будущее осуществлялся ценой глубоких страданий обедневших слоёв населения, которое не вполне осознавало происходящие буржуазные преобразования в стране.

Бывший особняк Субботиных (фото из печати советских лет)

Нельзя сказать, что в Самаре в 1890-е годы отсутствовали более сложные по архитектуре жилищные сооружения. Ещё десятилетием ранее в городе, в частности, появилось здание на Казанской улице (ул. Алексея Толстого, 3), напоминающее своим видом «ренессансное палаццо». Оно было сооружено по проекту маститого петербургского зодчего В.А.Шретера, а заказчиками выступили представители известного семейства хлеботорговцев Субботиных.

С богатой декоративной отделкой здание напоминало дворцы столичной знати. Фасады получили каменную обли-

цовку и изящные лепные украшения. Не меньшей помпезностью, вероятно, отличалось, и убранство интерьеров. По описаниям, в здании было пять внутренних лестниц, помещения имели оформление в разных «вкусах» – начиная от традиций «рококо», «барокко» и кончая традиционным «псевдорусским» стилем.

Интерьер особняка Субботиных в наши дни (фото из местной печати)

К сожалению, в советский период бывший «дворец» пришёл в негодность, будучи отданным для размещения в нём хозяйственно-административных служб местного электро-

механического завода. Теперь же в прошлом шикарный купеческий особняк скрывается за высоким забором и требует срочной реставрации, которая вот-вот должна начаться. Судя по фотографиям, интерьеры здания ещё сохранили элементы прежнего «лоска» – кафельную плитку, изящную потолочную лепнину, камин и мраморную входную лестницу.

Дом купцов Кирилловых (фото автора 2022 г.)

Также следует упомянуть о доме купцов Кирилловых на бывшей Саратовской улице (ныне, ул. Фрунзе, №106), да-

тируемым периодом строительства в 1880-е годы. Он имеет вполне «петербургский» облик и содержит элементы «неоренессанса». Углы здания фланкируют квадратные эркеры-башни, завершённые шлемовидными куполами. Недавно отреставрированное здание выглядит достаточно импозантно, и не случайно в его помещениях ныне размещены кабинеты областного Министерства культуры.

В своём очерке о Самаре молодой А.М.Пешков позволил себе и ещё одну любопытную реплику, касающуюся её архитектуры. Он констатировал:

«Ещё в городе есть театр, красное здание очень занимательного архитектурного стиля, напоминающего о тех игрушечных картонных домиках, которые делают бедные вдовы для продажи детям».

Старый объём театрального здания (фото автора 2022 г.)

Проект театрального сооружения был разработан архитектором М.Н.Чичаговым. В ту пору он уже пользовался авторитетом как мастер по строительству зданий культурно-зрелищного назначения. Получив профессиональное образование в Москве, зодчий приступил к самостоятельной деятельности, начиная с 1880-х годов. По чертежам М.Н.Чичагова в нынешней столице было возведено небезызвестное здание театра Корша в Петровском переулке, а в 1885—1886 гг. архитектор осуществил перестройку драматиче-

ского театра в Воронеже, которая оказалась весьма удачной и снискала у критиков лестные отзывы.

Работы в Самаре производились в период 1887—1888 гг. Сам зодчий, насколько известно, несколько раз выбирался из Москвы в волжский город, дабы следить за ходом строительства. По его рекомендациям специально подбирались мастера-отделочники, опытные в своём ремесле.

Детали фасада в «русском стиле» (фото автора 2022 г.)

Здание, выдержанное в традиционных формах «русского

стиля», в своей основе получило классическую симметричную композицию. Углы главного фасада, по обеим сторонам, фланкировали башенные надстройки с шатровыми крышами пирамидальной конфигурации. Своим архитектурным обликом здание призвано было переключаться с московским зодчеством XVII века. Внешне, оно вышло чем-то похожим на сказочный терем или старинные боярские хоромы. Стены, филигранно выложенные из красного кирпича, были дополнены белокаменными деталями в очертаниях фриз, карниза и фигурных обрамлений окон. Многоярусная декорация придала главному фасаду театра торжественно-праздничный вид.

То, что собственными глазами видел М. Горький, не вполне соответствует реалиям сегодняшнего дня. В процессе реконструкции здания с целью расширения пространства сцены и зала для зрителей, производимой советскими архитекторами в 1960-е годы, были серьёзно искажены общие характеристики боковых фасадов театра. В частности, навсегда исчезли башенки с шатрами над дополнительными входами в сооружение. Здание также утратило ряд выразительных элементов на крыше, гербы и цинковые флюгеры, выполненные по специальному заказу московскими умельцами. В целом, от проекта М.Н. Чичагова ныне сохранился только главный фасад, который лишь частично передаёт ощущение от былой постройки.

Есть свидетельства, что выбор в качестве эталона для под-

ражания случился далеко не сразу. Желание воссоздать сооружение в виде терема возникло у местных властей уже после предоставления зодчим первых чертежей сооружения. Вероятно, сказалась общая атмосфера тогдашней эпохи и пример аналогичного строительства в Воронеже. Следование в архитектуре провинциальных городов мотивам старорусского зодчества активно поддерживалась в купеческой среде, и было отчасти связано со сложившимся патриархальным укладом жизни. Приверженность к наследственным традициям, моральным ценностям православного вероисповедания ещё оставались характерными правилами в воспитании подрастающего поколения на заре становления буржуазных реформ.

Более того, в Самаре во второй половине XIX века проживало немало так называемых «заядлых славянофилов», которые с неохотой воспринимали идеи «европейского просвещения». Они носили длинные бороды, регулярно посещали церковные богослужения и были убеждёнными сторонниками монархической власти в России. Продолжая коммерческие дела своих дедов и отцов, многие из самарских купцов, по-прежнему, в глубине души придерживались архаических взглядов на развитие общества. Дворянская же интеллигенция в городе была сравнительно немногочисленна и не столь явно ориентировалась на новые веяния в жизни и искусстве. «Западники» окончательно сформировались в Самаре лишь к началу 1900-1910-х годов. И среди них, как

показывают факты, оказалось и немало купеческих отпрысков, получивших неплохое образование и устремивших свои взгляды на передовую Европу.

«Кирпичный» стиль, можно сказать, был стилистическим вектором в архитектурном направлении, получившем общее название «эkleктика». Такого рода поветрие оформилось во второй половине XIX столетия в целом ряде стран европейского континента. Разумеется, национальные мотивы были в особом приоритете у зодчих. В России, соответственно, ими являлись формы «русского стиля», который, если можно так выразиться, органично вписался в общую канву распространения архитектуры, игнорирующей штукатурную отделку фасадов.

Пример купеческого дома в «русском стиле» (фото автора 2022 г.)

В своём фельетоне А.М.Пешков в саркастическом тоне отозвался и о бывших самарских нравах, а также живописал «ироничный портрет» представителей местного купеческого общества. Был ли при этом писатель в достаточной степени объективен или старался преднамеренно вызвать у будущего читателя настроение пренебрежения к окружающей его действительности, со слабо развитыми в городе культурными процессами? Возможно, А.М.Пешков что-то преуве-

личивал и сознательно воссоздавал картину гротеска. Тем не менее, обратимся к некоторым ремаркам из его статьи. Начнём хотя бы вот с этого замечания:

«...в городе не хватает учебных заведений, больниц и всего прочего, чего не хватало во всех тех городах, которые вы имели удовольствие или неприятность посетить ранее Самары. Разница только в том, что в Самаре не хватает этого более других поволжских городов. Она также более грязна, пыльна и пахуча, чем, например Казань и Астрахань; у неё более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле; она более неподвижна и более преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск...».

Писатель здесь воспроизводит картину города, в целом, типичную для провинциальной России до наступления поры индустриализации. Бедность и культурная отсталость населения были характерны не только для Самары, но и прочих центров Среднего Поволжья. Взгляды А. М. Пешкова, вероятно, разделял и вышеупомянутый потомственный дворянин А.Н.Наумов, который также признался в своих воспоминаниях, что по первому впечатлению после приезда город ему не понравился.

С оттенками нескрываемого сарказма автор статьи высказался и о властной структуре в Самаре. Он подчеркнул:

«Большинство думы – „их степенства“. В массе их торчат несколько интеллигентов и весьма часто очень ощутительно заявляют о своём существовании. Это не может нравиться

действительным отцам города, потому что не может не мешать им в городском хозяйстве. И вот, желая локализовать деятельность интеллигентов, решили их как-нибудь утихомирить, а для чего и рассовали в разные премудрые комиссии, желая отягчить их трудом настолько, чтобы они потеряли охоту к разным... мечтам».

Безусловно, столь меткое наблюдение сделал сам А.М.Пешков, вскользь ознакомившись с деятельностью ряда административных инстанций в Самаре. Имена так называемых «отцов города» он в своём фельетоне не привёл, но при этом указал на присутствующую в них жажду лёгкой наживы, ограниченность и глубокую непросвещённость. В частности, писатель заметил:

«...в городе существует очень много людей, обладающих миллионными состояниями, нажитыми от трудов праведных, от которых по пословице, нельзя нажить именно и только домов каменных. Пословица ничего не говорит о невозможности нажить от трудов праведных миллионы, и таким образом я могу думать, что самарские богачи нажили сначала миллионы, а потом уже стали строить неуклюжие каменные дома; и думая так, я совершенно уничтожаю возможное подозрение местных богачей в том, что их каменные дома есть результат их неправедных трудов».

А.М.Пешков сетует на то, что «отцы города» мало средств выделяют на благотворительные нужды – строительство ночлежных домов для бедноты, открытию школ для обучения

детей из простых семей основам грамоты и чистописания и всего того, «что повелевает делать человеку долг христианина и гражданина, любящего свою родину».

Далее, в тексте статьи присутствует и насмешка над праздным времяпровождением представителей высшего сословия в Самаре, отрешённого от решения насущных городских проблем. Автор фельетона констатирует:

«Здесь есть также несколько клубов. Первенствует дворянское собрание – в нём почтенные отцы семейств играют в винт и безик с девяти вечера до четырёх и пяти утра; причём иногда ругаются. За ним следует коммерческий клуб, где не только играют и ругаются, но иногда даже и дерутся».

Конечно, А.М.Пешков несколько утрирует реальное положение дел. У высших должностных лиц в течение дня нередко случалось немало бумажной работы, и от их правильных решений зависело многое в жизнедеятельности Самары. Но при этом в хорошем отдыхе и развлечениях чиновники тех или иных рангов себе тоже отнюдь не отказывали. Тот же А.Н.Наумов, слывший Губернским предводителем дворянства, нередко посещал дома и кабинеты знатных особ и имел представление об их любимых увлечениях. Кто-то занимался рыбной ловлей и охотой, иные участвовали в театральных постановках, рассчитанных на узкий круг лиц, или занимались игрой на музыкальных инструментах в среде домочадцев. Но карточная игра, неизменно, увлекала многих членов дворянского сословия. В воспоминаниях

А.Н.Наумова, например, есть следующие строки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.